

На правах рукописи

Гергилев Денис Николаевич

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Красноярск – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «**Сибирский федеральный университет**»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор **Северьянов Михаил Дмитриевич**

Официальные оппоненты:

Зиновьев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», профессор кафедры Российской истории

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», профессор кафедры отечественной истории

Мамышева Елена Петровна, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», профессор кафедры истории России

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Алтайский государственный университет**»

Защита состоится «03» февраля 2021 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.099.27, созданного на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10, ауд. Р8-06.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» <http://www.sfu-kras.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2020 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Ковалев Александр Сергеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. В зависимости от исторических, национальных и культурных традиций в государствах выделяются определенные административно-территориальные единицы: провинции, губернии, области и др. Это разделение является одной из основ государственного строя, так как затрагивает институт общественно-политических отношений. В последние два десятилетия было проведено реформирование структуры государственной власти в России. К нему следует отнести укрупнение регионов, изменения в порядке назначения губернаторов и глав муниципалитетов. Конструирование эффективной модели административно-территориального устройства государства на основе исторического анализа позволит выявить социально-политические и экономические основания взаимоотношений центра и регионов с учетом сложившихся традиций и закономерностей взаимодействия социальных институтов. Россия обладает уникальным историческим опытом в области управления огромными территориями Сибири, творческое использование которого окажется полезным для экономики государства.

Степень научной разработанности темы исследования. Пространственное развитие Сибири, проблемы и аспекты формирования модели территориального деления и административного управления на протяжении трех веков являются предметами исследований российской и зарубежной исторической науки.

Дореволюционная отечественная историография разделена на три направления.

1. Работы XVIII – середины XIX в. были посвящены историко-статистическому и правовому описанию Сибири, идеализировавшему модель вестернизации местного управления, разработанную Петром I и применявшуюся в рамках модернизации управления регионом вплоть до реформ Александра II.

Исторический аспект темы исследования до реализации губернской реформы Екатерины II в 1780-е гг. был рассмотрен в XVIII в. А. К. Шторхом, И. Г. Гмелиным, Г. Ф. Миллером, И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым.

В более поздних исследованиях проведен экономический, географический, этнографический, социологический и политологический анализ вопроса административно-территориального управления Сибирью: об областных реформах XVIII в. писали М. М. Богословский и Ю. В. Готье, статистические данные до середины XIX в. изучал Ю. А. Гагемейстер, правовую оценку местной власти давали К. И. Арсеньев, А. В. Лохвицкий, И. Е. Андреевский, Э. Н. Берендтс, В. М. Гессен, И. М. Страховский.

2. Иной предмет исследования приобрели работы середины и конца XIX в. Им стали деятельность М. М. Сперанского, реформы 1822 г. и последствия преобразований. В. И. Вагин, А. В. Романович-Славатинский, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Е. П. Карнович, С. М. Прутченко, А. Д. Градовский занимались изучением истории местного управления, акцентируя внимание на централизации и бюрократизации местной власти, что рассматривалось в качестве одного из направлений борьбы с «недоуправляемостью» Сибирью.

3. Критическая оценка попыток модернизации управления приведена в публицистических статьях 1860–1880-х гг. Н. С. Щукина, С. С. Шашкова, И. С. Москвина, работах непосредственных участников политического процесса того периода – иркутского губернского воинского начальника В. К. Андриевича, лидеров «сибирского областничества» Г. Н. Потанина Н. М. Ядринцева, А. П. Щапова. П. А. Славцовым была разработана концепция формирования политической системы в Сибири, нацеленная на выстраивание паритета между центром и областями империи.

Тезис о низкой эффективности территориального деления азиатской части России и управления со стороны местной администрации отражен в трудах историка И. В. Щеглова, правоведа Д. Е. Лаппо, якутского и

енисейского губернатора И. И. Крафта, американского историка Ф. Голдера. Разработанная ими модель управления регионами Российской империи включала предложения по формированию личной ответственности высших должностных лиц за реализацию имперской политики на местах.

Советский период историографии проблемы базируется на идее «колониальной политики царизма», имевшей форму и приемы завоевания Русского Востока. Красная линия отечественной науки в этом направлении не была едина, она может быть поделена на два этапа в соответствии с предметом научного рассмотрения.

1. В 1917–1950-е гг. шла разработка концепции колониального освоения окраины «царской» России. В. И. Ленин отмечал, что до Октябрьской революции в Сибири царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹. С. Б. Окунь², В. И. Шунков³ рассматривали сибирский регион в имперский период как колонию. Данный тезис был позже поддержан зарубежным «сибиреведом» Р. Дж. Кернером⁴, а также «Сибирской советской энциклопедией»⁵.

Советские историки 1920–1930-х гг. концентрировали внимание на особенностях решения национального вопроса в Сибири и истории ее национально-территориального устройства, что соотносилось с государственной теорией целесообразности формирования автономий⁶. Значимыми представляются статьи К. К. Рычкова⁷ и В. Д. Вегмана⁸,

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 43. С. 228.

² Окунь С. Б. Окунь С. Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. №1 (38). С. 92–103; и др.

³ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М., 1946. С. 59.

⁴ Kerner R. J. The urge to the sea. The course of Russian History. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs / R. J. Kerner. Berkeley and Los Angeles, 1942. P. 56.

⁵ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. Б. З. Шумяцкий [и др.]. М., 1929–1932.

⁶ Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. иркут. ун-та. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 41; Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции до 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1–2. С. 67–98; Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1938. № 8. С. 65–74; Сыромятников Б. И. М. М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 92–113; Тройнин И. Советская власть и освобождение национальностей // Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921. С. 8–34.

⁷ Рычков К. К. вопросу о вымирании северных народностей в Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.

затрагивавшие вопросы национальной истории Сибири, но при этом осуждавшие идеи сепаратизма.

В 1936 г. историк М. К. Любавский⁹ представил концепцию разноуровневого направления политики государства на территории Сибири в русле «колониальной» системы.

2. Тема советских исследований 1950–1991 гг. – субрегиональные проявления колониальной политики управления Сибирью.

В период 1950–1980-х гг. вышли работы, в которых не только обобщался опыт административно-территориального устройства СССР в целом, но и проводилась переоценка процессов, протекавших в национальных районах страны¹⁰.

Зарубежные историки Т. Армстронг¹¹, М. Раев¹², Д. Филд¹³, Б. В. Линкольн¹⁴, В. М. Пинтнер¹⁵ сформулировали тезис об отсутствии у центрального правительства единого вектора административной политики в Сибири, что предопределило невозможность успешной эволюции местной власти.

Важным событием в отечественной исторической науке стал выход академического издания «История Сибири»¹⁶.

Советские ученые 1950–1980-х гг. стали уделять больше внимания анализу проблем, с которыми сталкивалась сибирская администрация до 1917 г. Так, Л. С. Рафиенко¹⁷ сделан вывод о предопределении

⁸ Вегман В. Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией (К истории возникновения Сибоблдумы) // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 89–115; и др.

⁹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. 688 с.

¹⁰ Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960; Фарберов Н. П. От ленинских декретов к Конституции общенародного государства. М., 1978. 96 с.

¹¹ Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. 223 p.

¹² Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattl, 1956. 63 p.

¹³ Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge (Mass.), 1976. 431 p.

¹⁴ Lincoln B. W. The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826–1856 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1972. Vol. 3, № 20. P. 321–330.

¹⁵ Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. № 3. P. 429–443.

¹⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 456–465; Там же. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. С. 71–74.

¹⁷ Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968. 24 с.; и др.

правительственной политики в Сибири общим ходом государственного развития в XVIII в. С. М. Троицкий¹⁸, Н. П. Ерошкин¹⁹, С. В. Кодан²⁰, П. Н. Зайончковский²¹, М. М. Шумилов²² писали об истории административного управления в дореволюционной России, оценивая изменение роли дворянства в политической системе.

Несмотря на идеологизированность советской исторической науки, второй период советской историографии богат значимыми научными исследованиями национальной политики Российской империи (Л. М. Дамешек)²³, а также работами, посвященными истории включения различных территорий Сибири в состав страны²⁴.

Отдельную ветвь исследования административно-территориального управления Сибирью представляет собой «советское» сибирское областничество. Наиболее значимым здесь является исследование М. В. Шиловского²⁵, который анализировал роль сибирских областников в процессе выработки политических решений в имперский период.

Современный период историографии вопросов государственного и общественного управления Сибирью во многом основывается на исторических исследованиях Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН). Работа института сосредоточена на выявлении особенностей исторического развития Сибири как Азиатской

¹⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 400 с.

¹⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.; и др.

²⁰ Кодан С. В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 24–40; и др.

²¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

²² Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50 – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. 218 с.

²³ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – нач. XX в. Иркутск, 1986. 243 с.; Его же. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3. С. 116–146.

²⁴ Батуев Б. Б. Партия большевиков организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1971. 263 с.; Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1983; Асочаков В. А. К 50-летию образования Хакасского уезда // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1974. Вып. XIX. Сер. историческая. № 5; и др.

²⁵ Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. 144 с.; Его же. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

России и части мировой цивилизации²⁶, в том числе на изучении вопросов истории государственного и общественного управления²⁷.

Д. А. Ананьевым и Н. П. Матхановой, разрабатывающими тему «служилые люди и администрация», установлено, что бюрократизация властных структур в Сибири была свойственна системе воеводского управления XVIII в.²⁸, а также генерал-губернаторской власти середины XIX в.²⁹ Исследования М. О. Акишина³⁰ и О. А. Авдеевой³¹ характеризуют успешность включения Северо-Восточной Азии в состав России.

Азиатская Россия в политической системе империи исследовалась в работах А. В. Ремнева³². Его труд «Самодержавие и Сибирь»³³ представляет собой фундаментальное исследование по истории реализации правительственных проектов управления Сибирью. И. А. Коновалов³⁴ приходит к выводу, что для развития местного управления в Сибири была характерна тенденция централизации и бюрократизации.

Иркутские историки Л. М. Дамешек³⁵ и И. Л. Дамешек³⁶ в своих исследованиях разрабатывают тезис о последовательной инкорпорации Сибири в состав Российской империи.

²⁶ Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: сб. мат. VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. 279 с.; и др.

²⁷ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. 715 с.; Т. 2. 807 с.; Т. 3. 783 с.; Аблажей Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Караганды, 2014; Комлева Е. В. Государственная политика и частная инициатива в области освоения северо-востока России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 32–36; Ананьев Д. А. Источники по дореволюционной истории Сибири в архивных и книжных собраниях Великобритании, США, Канады и Германии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Вып. 2 (62), т. 4. С. 11–16; и др.

²⁸ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.

²⁹ Матханова Н. П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58–75; и др.

³⁰ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003. С. 18–19; и др.

³¹ Авдеева О. А. Индивидуализация административно-судебной системы Сибири по «Учреждениям для управления губерний всероссийской империи» 1775–1780 гг. // История государства и права. 2004. № 4. С. 21–24; и др.

³² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. 552 с.; и др.

³³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 237 с.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1995. 240 с.

³⁴ Коновалов И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 15–19.

³⁵ Дамешек Л. М. Административные преобразования в Сибири в первой четверти XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков: межвуз. сб. ст. Иркутск, 1998. Вып. I. С. 55–66; Его же. Российские окраины

Вопрос административно-территориального устройства Азиатской России через историю политического подполья в Сибири на дореволюционном этапе его развития освещает С. В. Макаrchук³⁷. В монографии А. Н. Ермолаева³⁸ на примере г. Мариинска рассматриваются вопросы местного самоуправления.

Томские ученые В. П. Зиновьев³⁹, В. Н. Кудряшев⁴⁰, О. А. Харусь⁴¹, А. Н. Жеравина⁴², Л. И. Шерстова⁴³ рассматривают вопросы организации государственной власти за Уралом через призму хозяйственного и этнокультурного освоения территории. Заслуживает особого внимания тезис В. П. Зиновьева о том, что Сибирь в дореволюционный период развития представляла собой стратегически ресурсный регион России⁴⁴.

Барнаульские историки исследуют эксплуатацию природных ресурсов Императорским Кабинетом как фактор развития региона и вводят в научный оборот термин «алтайский производственно-территориальный комплекс»⁴⁵. По их мнению, система государственного управления была схожа с общероссийской при наличии региональной специфики⁴⁶.

в имперской административной системе: принципы управления // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2009. № 1. С. 32–46; и др.

³⁶ Дамешек И. Л. Имперская география генерал-губернаторской власти в России: от Александра I до Николая II // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 15. С. 15–21.

³⁷ Макаrchук С. В. Общественно-политическое движение начала XX века в документации музеев и архивов негубернских городов Восточной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 210–215.

³⁸ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. 741 с.

³⁹ Зиновьев В. П. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 48–61; Его же. Традиции самоуправления и народного представительства в России // Вест. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 5 (25). С. 6–8; и др.

⁴⁰ Кудряшев В. Н. Концепт русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Томск, 2017. 390 с. и др.

⁴¹ Харусь О. А. Реорганизация государственной власти в России начала XX века: проекты и рефлексия либеральной интеллигенции Томска (1905 – февраль 1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 85–92.

⁴² Жеравина А. Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. 322 с.

⁴³ Шерстова Л. И. Концепция фронта и освоение русскими Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217–222; и др.

⁴⁴ Зиновьев В. П. Г. Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 34–36.

⁴⁵ Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. 243 с.; Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 2012. 186 с.; и др.

⁴⁶ Пережогин А. А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.). Барнаул, 2012. 152 с.

Бурятская историческая школа во главе с академиком РАН Б. В. Базаровым⁴⁷ специализируется на социально-политической истории Центральной и Восточной Азии, в том числе на вопросах национально-государственного строительства в Сибири.

Этот вопрос получил развитие в трудах Д. В. Васильева⁴⁸, Н. Н. Крадина⁴⁹, разработавшего теорию об экзополитарном обществе у кочевников Сибири, суть которой заключалась в признании поверхностного влияния Российского государства на общественный порядок и национальные традиции.

Исследования по истории Сибири имперского периода ведутся красноярскими учеными М. Д. Северьяновым⁵⁰, Г. Ф. Быконой⁵¹, В. И. Федоровой⁵², В. Г. Дацышениным⁵³, С. К. Черепановым⁵⁴, Т. Г. Карчаевой⁵⁵ и др.

Теория колонизации Сибири М. К. Любавского нашла продолжение в работах А. В. Головнева⁵⁶, В. Н. Асочаковой⁵⁷ и Е. П. Мамышевой⁵⁸.

Столичными и сибирскими учеными параллельно с классической теорией модернизации Сибири разрабатывается концепция «сибирского

⁴⁷ Базаров Б. В. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации. Улан-Удэ, 2017. 400 с.; Курас Л. В. У истоков бурятской государственности // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2 (10). С. 18–35; Кальмина Л. В., Малыгина О. А. Блюститель неприкосновенности: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ, 2016. 184 с.; и др.

⁴⁸ Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М., 2014. 471 с.

⁴⁹ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. 239 с.4; и др.

⁵⁰ Северьянов М. Д. Современный этнофедерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе // Центральноазиатские исторические чтения: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–21 июня 2014 г.). Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. Вып. 3. С. 182.

⁵¹ Быконя Г. Ф. О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 8–144 и др.

⁵² Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. Красноярск, 2015. 240 с. и др.

⁵³ Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. М.; Берлин, 2014. 309 с.; и др.

⁵⁴ Черепанов С. К. О внутренних конфликтах в системе финансового управления Енисейской губернии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. Т. 13. С. 112–132.

⁵⁵ Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 252 с.; и др.

⁵⁶ Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: Волот, 2009. 496 с.

⁵⁷ Асочакова В. Н. Хакасские степные думы и вопросы христианизации коренного этноса: некоторые аспекты. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2018. Т. 23. С. 16–21; и др.

⁵⁸ Мамышева Е. П. Хакасия: от Степных дум – к автономии (1822–1930). Абакан, 2008. 124 с.

фронта»⁵⁹, получившая собственное оригинальное прочтение, отличное от мнения англоязычных исследователей. Теория «фронтирной модернизации» представлена в работах И. В. Побережникова⁶⁰, Д. С. Боброва⁶¹, а также уже упомянутых ранее Д. А. Ананьева, Е. В. Комлевой, В. П. Румянцева, Е. В. Хахалкина и др.⁶²

Административно-территориальное управление входит в круг интересов не только профессиональных историков, но и ученых других специальностей. Так, в работах Н. И. Краснякова⁶³ и А. В. Гавриловой⁶⁴ рассмотрены юридические аспекты инкорпорирования управленческих структур национальных регионов в правовое пространство Российской империи. Данное направление поддержано и другими исследователями, среди которых философские работы⁶⁵ и статьи юристов-исследователей⁶⁶.

Зарубежных историков А. Вуда⁶⁷, У. Линкольна⁶⁸ и М. Бассина⁶⁹ в рамках современной историографии привлекает вопрос противоречий между планами правительства и деятельностью сибирской администрации.

⁵⁹ Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association. 1893. P. 199–227; Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ, 1998. P. 33; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX в.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.; Хромых А. С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография. Красноярск, 2012. 312 с.; и др.

⁶⁰ Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Урал. ист. вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45; и др.

⁶¹ Бобров Д. С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 12–18.

⁶² Ананьев Д. А., Комлева Е. В., Раев Д. Я. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 70–123; Румянцев В. П., Хахалкина Е. В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 106–126.

⁶³ Красняков Н. И. Интеграция власти-территорий-населения в имперской России // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 9–13; и др.

⁶⁴ Гаврилова А. В. Делопроизводство органов управления и суда Сибири в первой половине XIX в. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1 (37). С. 47–51; и др.

⁶⁵ Орлов М. О. Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс. Саратов, 2017. 860 с.

⁶⁶ Диулина О. А. Основные социально-правовые характеристики обычного права народов как факторы его интеграции в правовую систему Российской империи (XVII–XIX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 10–19.

⁶⁷ Wood A. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991. 272 p.; Lincoln W. B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. 500 p.

⁶⁸ Lincoln W. B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. P. 321–330.

Таким образом, анализ современной историографии показал, что отличительной чертой российской и региональной сибирской исторической науки в 1991 – начале 2000-х гг. было стремление восполнить недостающие элементы исторического знания по вопросам управления Сибирью, обозначившиеся в советский период. С этого времени историки концентрировали свое внимание на отдельных аспектах изучения административно-территориальной политики в Сибири.

Объектом исследования является административно-территориальное управление Сибирью в XVIII – начале XX в.

Предметом исследования являются процессы формирования административно-территориальной системы Сибири как структурно-вариантной части внутренней политики Российской империи.

Цель диссертационного исследования – реконструкция процессов формирования окраинного варианта административно-территориального управления Сибирью на различных уровнях государственной власти в XVIII – начале XX в., определение роли управленческой сферы в процессе присоединения и освоения Сибири.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**.

1. Установление теоретико-методологических особенностей понимания пространственного развития Сибири в контексте имперского дискурса освоенческих процессов и формирования административных властных структур на ее территории.
2. Анализ историографии и источников по административно-территориальному делению Сибири, относящихся к имперскому периоду.
3. Исследование сибирского варианта административно-территориальной системы управления на разных этапах ее существования с начала XVIII до начала XX в.

⁶⁹ Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian Far East in the 19th century // American Historical Review. Vol. 96, № 3 (jun. 1991). P. 763–794.

4. Изучение итогов реформ управления Сибирью на уровне высших административных структур государственной власти в регионе в исследуемый период.
5. Выявление и изучение результатов реформаторской деятельности институтов государственной власти на микрорегиональном уровне управления Сибирью, включая органы городского, волостного, сельского и иногородческого управления с начала XVIII до начала XX в.
6. Определение закономерностей социально-экономического развития Сибири в исследуемый период, обусловленных политикой центральной власти в области административно-территориального устройства региона.
7. Изучение практики реализации административно-территориальных реформ в Сибири с учетом региональной специфики с начала XVIII до начала XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1708 – по начало 1917 г. Нижняя хронологическая граница исследования связана с реформаторской деятельностью Петра I: в 1708 г. началось осуществление губернской реформы.

Верхняя граница исследования обусловлена революционными потрясениями в России, послужившими началом разрушения существовавшей административно-территориальной системы государства в феврале 1917 г.

Территориальные рамки исследования определены административными границами Сибири в период с XVIII в. до начала XX в.

Методология и методы исследования. В основу работы положен ряд методологических подходов к изучению исторического процесса. Использование формационного подхода позволяет рассмотреть линейное историческое развитие Сибири и России, представить историю региона как единый процесс. Он дает возможность определить социально-экономические факторы, оказывавшие существенное влияние на эволюцию

территориального устройства и административной политики⁷⁰. Цивилизационная теория модернизации позволила изучить историю административно-территориального управления Сибирью как следствие структурирования социально-политических отношений во времени и пространстве⁷¹.

Стратификационный подход позволил проанализировать структуру и состав сибирских чиновников с учетом их влияния на процессы административно-территориального управления Сибирью в различных уровнях государственной власти⁷². Критерии классовой дифференциации общества не исключаются, а рассматриваются в ряду других, столь же правомерных. Стратификационная система, предложенная Д. Д. Невирко, В. Г. Немировским, С. В. Гришаевым⁷³, позволяет провести комплексный анализ общественного устройства Сибири как части Российской империи⁷⁴.

Выбор методов исследования был обусловлен спецификой изучения административно-территориального управления Сибирью. Формулирование выводов происходило на основе принципа объективности. Рассмотрение развития и становления административно-территориального устройства Сибири осуществлялось на основе принципа историзма. При выявлении общего и особенного, сопоставлении характеристик различных исторических периодов использовался сравнительный анализ.

Исследование эволюции государства с позиции исторической науки заключалось в комплексном анализе конкретно-исторических этапов усовершенствования государства, в раскрытии закономерностей исторического развития. Применение компаративного метода дало

⁷⁰ Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2008. 272 с.; Северьянов М. Д. К познанию социальной истории России. Красноярск, 2006. 143 с.

⁷¹ Шелохаев В. В. Трудные поиски национальной модели модернизации // Россия в условиях трансформаций. 2002. № 7. С. 41–47; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 240 с.

⁷² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

⁷³ Немировский В. Г., Невирко Д. Д., Гришаев С. В. Социология: классические и постклассические подходы к анализу социальной реальности. М., 2003. С. 68–81.

⁷⁴ Доржу З. Ю., Северьянов М. Д. Теория и методология истории: учеб. пособие. Кызыл: Изд-во Тыв. ун-та (ТывГУ), 2008. 159 с.

возможность сопоставить и проанализировать систему административно-территориального управления Сибирью на различных уровнях государственной власти.

Использование историко-социологического подхода при анализе каждого этапа позволило рассмотреть проблемы бюрократизации административной системы и достижения абсолютной монархии.

Проблемно-хронологический метод, предполагающий выделение из широких вопросов ряда узких проблем и рассмотрение их в хронологической последовательности, повлиял на структуру, цели и задачи исследования. Использование историко-генетического метода дало возможность раскрыть как субъективные факторы, так и объективные закономерности в развитии административной системы Сибири.

Сочетание разнообразных методов и подходов позволило рассмотреть процесс создания и реформирования системы административно-территориального управления Сибирью с учетом особенностей региона.

Документальную базу исследования составили опубликованные и неопубликованные источники, которые можно разделить на несколько групп: законодательные акты и проекты, архивные материалы, справочно-статистические издания, периодическая печать, материалы личного происхождения и воспоминания.

Часть использованных источников была опубликована ранее в «Полном собрании законов Российской империи», памятных книжках по губерниям Сибири, историко-статистических сборниках и др. Среди неопубликованных – выявленные архивные материалы, впервые введенные в научный оборот.

К использованным нормативно-правовым актам относятся: законы Российской империи, указы губернаторам и воеводам, наставления губернаторам, высочайшие и сенатские указы, решения Комитета и Совета министров и др. В работе также были использованы опубликованные

сборники документов, позволяющие выявить особенности развития системы административно-территориального управления в его отдельных аспектах.

Материалы делопроизводства позволяют проанализировать деятельность как центральной, так и местной администраций. Особый интерес представляют всеподданнейшие донесения и доклады местных органов власти, которые раскрывают влияние региональных особенностей на законотворческий процесс в Российской империи.

Ценным источником информации по управлению Сибирью стали труды И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, И. К. Кирилова, И. И. Крафта, П. С. Палласа, В. Н. Татищева, Г. В. Штеллера. В их работах представлены как статистические и справочные сведения, так и авторские концепции по вопросу преобразований системы управления Сибирью. Данные из историко-статистических сборников по Сибири и ее отдельным областями и губерниям позволили исследовать кадровый состав органов местной власти, получить сведения о социально-экономическом положении территорий, необходимые для решения задач, поставленных в диссертационной работе.

Базой для исследования стали материалы центральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. Важные сведения содержатся в дореволюционных фондах Государственного архива Российской Федерации (**ГАРФ**). Так, фонд № 109 «I экс. – III отделение Его Императорского Величества Канцелярии» содержит документы, касающиеся проектирования административно-территориального управления Сибирью в первой трети XIX в. В документах Российского государственного военно-исторического архива (**РГВИА**) подняты материалы из фонда № 400 «Азиатская часть» по тематике государственного управления в степных областях Сибири.

Документы Российского государственного архива древних актов (**РГАДА**) отражают деятельность губернских и центральных властей. Так, фонд № 9 (разряд) «Кабинет Петра I» и фонд № 199 «Миллер Гергард-Фридрих (1705–1783)» (портфель № 497, ч. 2) содержат материалы

переписки органов власти различных уровней по вопросам деятельности администраций, обобщающие записки по вопросам внутреннего управления, судебно-следственным делам 1716–1719 гг.

Из фонда № 24 «Сибирский приказ и управление Сибирью (коллекция)» использованы донесения Анне Иоановне от графа С. А. Салтыкова, дела о служебных злоупотреблениях Г. Г. Скорнякова-Писарева, служебная информация по разработке инструкции к Приказу 1737 г., доклады сибирских губернаторов Ф. И. Соймонова и Д. И. Чичерина на имя Екатерины II, а также доклады иркутских (1769–1794), колыванских (1780–1794), тобольских (1780–1793) губернаторов.

Документы фонда № 248 «Сенат и его учреждения» позволили установить причины изменений в административной, производственной и фискальной политике государства в Сибири XVIII – первой четверти XIX в.

Документы, поднятые из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), включают в себя материалы из фонда № 1264 «Первый Сибирский комитет» за 1821–1838 гг., а также из фонда № 1265 «Второй Сибирский комитет» за 1852–1866 гг. При этом важными для исследования представляются отчеты по государственному устройству Сибири, статистическая информация, данные об административно-территориальных преобразованиях. В фонде № 1284 «Департамент общих дел МВД» хранятся материалы о деятельности сибирских губернаторов.

Порядок освоения территории Усинского округа и Урянхайского края представлен в материалах фонда № 372 «Начальник по производству изысканий и постройке усинской колесной дороги (Енисейская губ.) при МПС».

В документах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) содержится делопроизводственная переписка об административно-территориальном устройстве Степных областей Центральной Азии. В фондах № И-3 «Пристав при киргизах Большой Орды. Начальник Алатавского округа киргизов Большой Орды, 1848–1856 гг.»,

№ И-4 «Областное правление Оренбургскими киргизами Министерства внутренних дел», № И-15 «Семипалатинское областное правление Министерства Внутренних дел, 1844–1919 гг.» содержатся сведения об образовании внешних округов Семипалатинской области, организации городского управления, принципах функционирования инородческого управления в Российской империи.

Вопросы местного управления сибирских губерний и областей, а также более мелких административных территорий были проанализированы в ходе работы над документами, сохранившимися в региональных архивах: Исторический архив Омской области (**ИАОО**) – фонды № 2 «Сибирский генерал-губернатор 1802–1822 годов» и № 3 – «Главное Управление Западной Сибирью»; Государственный архив Иркутской области (**ГАИО**) – фонды № 24 «Главное Управление Восточной Сибири» и № 713 «Иркутское губернское правление»; Государственный архив Томской области (**ГАТО**) – фонд № 3 «Томское губернское правление».

Материалы Государственного архива Красноярского края (**ГАКК**) фондов № 31 «Енисейский губернский статистический комитет», № 117 «Туруханское областное правление», № 141 «Енисейский губернский суд», № 156 «Енисейское губернское акцизное управление», № 160 «Енисейская казенная палата», № 401 «Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии», № 595 «Енисейское губернское управление», № 613 «Енисейский губернский прокурор», № 796 «Коллекция Г. В. Юдина, сибирского купца и промышленника, 1645–1912 гг.», № 910 «Туруханский уездный суд» содержат сведения о реструктуризации местных органов власти на губернском, окружном и волостном уровнях.

В Национальном архиве Республики Хакасия (**НА РХ**) использовались материалы из фондов № И-2 «Степная дума соединенных разнородных племен Минусинского окружного управления, Минусинского округа, Енисейской губернии», № И-5 «Абаканская инородная управа Минусинского окружного управления, с. Усть-Абаканское, Минусинского округа,

Енисейской губернии», № И-6 «Аскизская инородная управа Минусинского окружного управления, с. Аскиз, Минусинского округа, Енисейской губернии», которые позволили дополнить конкретными фактами вопрос организации власти среди кочевых и бродячих инородцев. Принципы действия вертикали власти среди оседлого крестьянского населения восстановлены через анализ делопроизводственной документации 1890–1917 гг. фондов № И-7 «Бейское волостное правление Минусинского окружного управления, Минусинского округа, Енисейской губернии», № И-14 «Кальское сельское управление, с. Калы, Бейской волости, Минусинского уезда, Енисейской губернии».

В фондах архива города Минусинска (АГМ) сохранились сведения о волостном, городском и сельском управлении. Использовались фонды № 34 «Минусинское волостное правление, 1798–1823 гг.», № 42 «Шушенское волостное правление, 1822–1889 гг.», богатые статистическими сведениями по отдельным населенным пунктам. При этом выявлены сходства и различия волостного и сельского управления Сибирью в сравнении с внутренними губерниями Российской империи.

Государственный архив в г. Тобольске (ГА г. Тобольска) сохранил статистические материалы фондов № И 8 «Тобольская городская управа, г. Тобольск Тобольской губернии (1785–1919)», № И 329 «Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788–1895 гг.)», которые содержат сведения по организации местной государственной власти на территории Западной Сибири.

Таким образом, введенный в научный оборот целый ряд ранее не использовавшихся материалов, систематизация нормативно-правовых актов, статистических данных и других источников позволили более глубоко рассмотреть эволюцию системы административно-территориального управления Сибирью в XVIII – начале XX в.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении эволюции системы административно-территориального управления Сибирью на всех уровнях государственной власти в XVIII – начале XX в.

Исследование позволило углубить теоретическое и методологическое понимание исторического опыта России в государственном строительстве (территориальном делении и административном управлении) на протяжении имперского периода по отношению к Сибири, которая сегодня рассматривается в числе приоритетных территорий в вопросе выбора оптимальной системы государственного управления регионами.

Введен в научный оборот широкий круг исторических источников различных типов, позволяющих провести комплексный анализ обозначенных задач исследования в изучаемый период.

Уточнена систематизация законодательства Российской империи в отношении территориального деления и административного управления Сибирью на всех уровнях местной власти.

Уточнены географические границы и названия административно-территориальных единиц Сибири (от генерал-губернаторского до окружного / уездного звена управления) на протяжении всего имперского периода.

Разработана концепция поэтапного формирования пространственной политики административно-территориального деления и управления Сибирью с начала XVIII до начала XX в. по критериям, определяющим характер преобразований: субъекты, управленческий центр, движущие силы и институциональная среда.

Установлены хронологически доминирующие типы реформаторской деятельности: вестернизация (ориентация на повторение западного опыта в 1710–1725/27 гг.), историческая (совмещение принципов управления московского и петровского периодов 1725/27 – конца 1770-х, 1783–1796, 1797–1822 гг.), релятивистская (ориентация на когнитивный анализ своевременности и практической целесообразности в 1822–1917 гг.). При

этом анализ включения общественных и финансово-экономических институтов власти в процесс решения административно-территориального вопроса в Сибири показал несформированность аналитической модели аккумуляции и синтеза управленческой практики в 1870–1917 гг.

Практическое развитие административно-территориального управления Сибирью в период с XVIII по начало XX в. было эволюционным и осуществлялось в особых условиях, определявшихся процессом освоения, подконтрольного и относительно регулируемого государством. В диссертации выделены семь этапов управления Сибирью, отличных от общероссийских: 1708–1763, 1764–1782, 1783–1796, 1797–1803, 1804–1822, 1823–1886, 1887–1917 гг., что обосновало наличие окраинного сибирского варианта системы управления, а также эпигенетичность местной власти.

Доказано, что все преобразования осуществлялись в имперско-командном стиле с постепенным усилением понимания необходимости особой управленческой практики в Сибири. Это было необходимо для успешного использования ее территории в ресурсном, фискально-экономическом и геополитическом отношении, что соответствовало целям и задачам времени Российской империи в разные периоды ее истории.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Особенности административно-территориального развития Сибири заключались в наличии трех этапов трансформации политической системы, частью которой было территориальное деление и административное управление, нацеленное на достижение единой стратегической цели (фискальное и ресурсное использование территории) посредством реализации тактических задач (крестьянское заселение, создание системы местного управления, расширение зоны влияния России на территории соседних государств).

Развитие административно-территориального управления России в отношении Сибири в период с XVIII по начало XX в. имело три формы:

– «модель вестернизации» – кардинальные реформы Петра I всей политической системы России и Сибири, впервые воспринимавшейся частью империи, достойной общероссийского управления;

– «историческая модель» – политика преемников Петра I, сочетавшая в себе принципы управления Московской и Петровской России;

– «релятивистская модель» – формирование когнитивной системы власти в Сибири, получившей свое развитие с реализации в 1780-е гг. губернской реформы и продолжившейся после реализации проектов М. М. Сперанского вплоть до 1917 г.

Возможная модель управления Сибирью, названная нами «аналитической моделью», так и не была реализована. Ее суть заключалась в согласии между государством и обществом по вопросам выстраивания оптимальной формы местной власти в Сибири через оформленный общественный договор или неформальный компромисс.

2. Административно-территориальные реформы в Сибири были неотъемлемой частью общеимперских преобразований с учетом сибирской специфики. Теоретические аспекты реформ создавались в центре, а практическая реализация оставалась на усмотрение местных органов власти с учетом единого направления реформ. Степень свободы реализации преобразований местными управленцами не была однородной, а зависела от силы центральной власти и выполнения фискальной дисциплины региона.

3. Проведенный анализ изменений системы административно-территориального управления Сибирью с начала XVIII до начала XX в. выявил несколько подходов государства к освоению ее территории – от налогового и ресурсного содержания до понимания значимости территории в качестве «внутреннего ресурса» развития всего государства.

Характер изменений в административно-территориальном управлении Сибирью по форме и типу реализации был колониальным. Государством выполнялась задача удержания территорий путем выделения их в самостоятельные административные единицы.

4. Исторические периоды эволюции административных преобразований на территории Сибири имели несколько иные хронологические рамки, чем в России в целом. Это было обусловлено опаздывающим принципом реализации общероссийских реформ, а также наличием так называемого «сибирского законодательства», суть которого заключалась в издании законов (нормативных правовых актов), имевших по пространственному признаку действие только на территории Сибири.

Введенная периодизация истории административно-территориального управления Сибирью представлена этапами, крайние даты которых определены максимальной степенью внедрения новых основ реализации местной государственной власти на всех ее уровнях.

Первый этап (1708–1763) – период действия введенного Петром I порядка управления Сибирью по общероссийскому губернскому принципу. Непосредственный контроль над местной властью с 1708 по 1730 г. осуществлял сибирский генерал-губернатор, а с 1730 по 1763 г. – Сибирский приказ. Основная проблема административно-территориального устройства Сибири в составе России в этот период заключалась в несоответствии механизма совместной работы центральных и местных органов власти историческим реалиям России. В результате административных реформ 1726–1730 гг. была создана несколько преобразованная система управления, функционировавшая без каких-либо существенных изменений до реформы 1763 г.

Второй этап (1764–1782) – период «Сибирского царства», воспринимавшегося частью империи с большей самостоятельностью в системе местного управления, характеризовался наличием в этот период двух политических центров – г. Тобольска и г. Иркутска, возглавлявших одноименные губернии. Образованием в 1779 г. Колыванской области, имевшей значительный хозяйственный и ресурсный потенциал. Внедрением с середины 1770-х гг. на микрозональном уровне власти принципов военизированного управления.

Третий этап (1783–1796) – принятие правительственными структурами новых методов управления Сибирью. Обострение ситуации на границе России и Китая и усиление централизации привели к реализации губернской реформы 1775 г. и на территории Сибири. Выделение новых административно-территориальных образований, позволивших реализовывать правительственные решения с наивысшей степенью точности исполнения по сравнению с предшествовавшим временем.

Четвертый этап (1797–1803) – период действия новой губернской «павловской» реформы 1796 г., в ходе которой произошли сокращение сферы деятельности и состава государственного местного аппарата, реализация экономичного варианта финансирования сибирских правительственных структур.

Пятый этап (1803–1822) – период попыток возвращения к усложненному варианту системы местного управления Сибирью, установленного по проектам Екатерины II. Новое территориальное деление Сибири, объединенной под властью сибирского генерал-губернатора как центрального лица единого Тобольского и Иркутского генерал-губернаторства, с 1804 г. переименованного в Тобольское, Томское и Иркутское генерал-губернаторство, вновь расчлененного на Тобольскую, Томскую, Иркутскую губернии, Якутскую область (с 1805), Охотскую область (с 1803), преобразованную с 1812 г. в Охотское приморское управление наравне с созданным в это время Камчатским приморским управлением. Сохранение и усугубление так называемой «недоуправляемости» Сибирью как следствие предшествовавших преобразований.

Шестой этап (1823–1887) – период действия реализованного в 1822 г. проекта преобразований управления Сибирью М. М. Сперанского. Введение сложного территориального деления на четыре уровня местной власти: 1) генерал-губернаторский; 2) губернский и областной; 3) окружной; 4) волостной и инородческий. Создание дополнительного органа контроля и

координации управления – Первого Сибирского комитета (1821–1838). Распространение действия сибирского законодательства на присоединенные к России и относившиеся к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству Область Сибирских киргизов (1854–1868) как «правопреемника» Омской области, далее с 1868 г. – Акмолинскую и Семипалатинскую области, а также с 1851 г. Забайкальскую и с 1858 г. Амурскую области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Реализация проекта М. М. Сперанского по волостному и инородческому управлению. Высокий уровень патернализма государственных административных структур в городском самоуправлении вплоть до реформы 1870 г.

Седьмой этап (1887–1917) – реализация административно-территориальной политики государства в отношении управления Сибирью в имперско-командном стиле со значимыми отступлениями от проектов М. М. Сперанского. Четкое обозначение территориальных границ Сибири с включением в ее состав Тобольской и Томской губерний, имевших систему управления, более схожую с губерниями Центральной России, реорганизованного Иркутского генерал-губернаторства с входившими в него Иркутской, Енисейской губерниями, Якутской и Забайкальской областями, а с 1914 г. – Усинского пограничного округа и Урянхайского края. Включение с 1890-х гг. общественного (волостного, сельского и инородческого) самоуправления в жесткую административно-распорядительную систему местной власти при сохранении большей самостоятельности городских властей.

Следовательно, субъектами и управленческим центром преобразований территориального деления и административного управления Сибирью с 1708 по 1917 г. были государство как основной политический институт российского общества обозначенного периода, а также политические деятели, начиная от императорских особ и заканчивая представителями местной (сибирской) высшей власти в лице сибирских генерал-губернаторов. При этом губернаторы, областные начальники и прочие представители

высшей местной власти имели фактически слабую степень влияния на принятие управленческих решений.

5. Опыт реализации административно-территориального управления Сибирью в XVIII – начале XX в. служит примером формирования властных структур на отдаленных от политического центра территориях. С учетом особенностей региона представленный исторический материал позволит создать эффективную модель социально-экономического освоения Сибири с сохранением имеющихся административных центров при политической целостности региона для решения значимых государственных задач.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена комплексным характером проведенного исторического исследования реализации административно-территориальных преобразований в Сибири на различных уровнях государственной власти в период существования Российской империи. Материалы исследования могут быть использованы при оценке последствий административно-территориальных реформ в современной Сибири, определении правового статуса регионов на законодательном уровне. Также материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке таких учебных дисциплин, как: история Сибири, история России, история государственных учреждений России, история государства и права. Материалы исследования могут быть использованы при создании электронных систем и баз данных по истории Сибири и России. Диссертационная работа позволяет восполнить некоторые пробелы в источниковедении и современной историографии по проблемам развития административно-территориального устройства Сибири.

Степень достоверности полученных результатов исследования основывается на привлечении широкого круга архивных источников, их комплексном изучении и построении выводов диссертации, в основе которых общенаучные и специальные исторические методы. Использование в работе научной и справочной литературы по теме, а также нормативно-правовых

актов изучаемого периода времени свидетельствует о соблюдении принципа историзма и объективности полученных результатов исследования.

Апробация темы исследования. Основные выводы и положения диссертационного исследования были опубликованы в 56 научных работах, из которых 29 в журналах из списка, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов докторских диссертаций. В 9 научных статьях, опубликованных в журналах из списка рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Выводы и положения исследования были представлены в двух коллективных монографиях и двух авторских монографиях.

С использованием материалов диссертационного исследования была разработана и создана информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска»⁷⁵.

Основные положения и результаты исследования были представлены соискателем на международных всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях: Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала деятельности первой российской Государственной думы (Красноярск, 2006); Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тезисы докладов и сообщений научной конференции (Красноярск, 2006); Лесной и химический комплексы – проблемы и решения: сборник статей Всероссийской научно-практической

⁷⁵ Информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска» / М. В. Румянцев, Р. А. Барышев, А. С. Генвальд, А. В. Ёжкин, И. А. Меньшиков, А. Ю. Литвинцева, А. В. Волощук, Д. Н. Гергилев, А. Ю. Перебоев, И. Н. Рудов, Н. О. Пиков, Е. В. Гевель, К. Ю. Шумов, А. А. Смолин, А. П. Свитин. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RUS 2013613335 13.02.2013.

конференции (Красноярск, 2007); Материалы Вторых университетских социально-гуманитарных чтений (Иркутск, 2008); Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции: в 3 частях (Красноярск, 2009); Социокультурное освоение Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции Сибирского исторического форума с международным участием (Красноярск, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); Феномен России: память прошлого и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции (Краков, 2014); Региональная научно-практическая конференция «Духовно-исторические чтения» (Красноярск, 2016); Международный глобальный форум «Образование» 2016 (ОАЭ, 2016); Административно-территориальное устройство Сибири (круглый стол). Красноярский экономический форум (Красноярск, 2017); Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 томах (Иркутск, 2017); Международная научная конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (Красноярск, 2017); Международная научно-практическая конференция «IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия» (Кызыл, 2018) и др.

Результаты диссертационного исследования были использованы соискателем в разработке учебно-методических пособий⁷⁶ и конспектов лекций по дисциплинам, реализуемым в Сибирском федеральном университете, среди которых можно выделить: новую локальную историю макрорегиона (Сибирь), историю административно-территориального деления постсоветской России, историю административно-территориального деления Сибири, историю Сибири.

⁷⁶ Гергилев Д. Н., Тарасов М. Г., Колесник Э. Г. История макрорегиона (Сибири): в 2 ч.: учебно-методическое пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. Ч. I. 68 с. и др.

Материалы диссертационного исследования прошли апробацию в результате выполнения работ по грантам: Российского гуманитарного научного фонда «Комплексный анализ датировок историко-архитектурных памятников Сибири: методико-прикладной аспект» (2015, 2016, 2017) и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности «Разработка научно-методического обеспечения сохранения уникального культурного наследия для кетской и энецкой этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края» (2018).

Результаты исследования соискателя были отмечены благодарственными письмами: министра спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края (2010), полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе (2013); губернатора Красноярского края (2014); начальника Управления по Красноярскому краю Федеральной службы безопасности Российской Федерации (2017); почетными грамотами: администрации Октябрьского района г. Красноярска (2013), Всероссийской общественной организации Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» (2017), VIII Общероссийского конкурса изданий для вузов «Университетская книга – 2018» в номинации «Лучшая книга по Сибирской тематике» (2018); памятной медалью «Патриот России» (2015).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура диссертационного исследования состоит из введения, четырех глав, разделенных на 15 разделов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, показана степень ее разработанности в исторической науке, определены объект и предмет, цели и задачи, хронологические и территориальные рамки диссертации, охарактеризованы источниковая база, методология и методы исследования, описаны научная новизна, теоретическая и практическая

значимость работы, определены положения исследования, выносимые на защиту, показаны степень достоверности и апробация результатов исследования.

Глава 1. Историческая наука об административно-территориальном развитии Сибири состоит из трех разделов. В разделе **1.1. Теоретико-методологические аспекты изучения административно-территориального устройства Сибири XVIII – начале XX в.** определены методология и методы проведения исследования в соответствии со спецификой изучения административно-территориального управления Сибирью. Теоретическая база исследования сформирована на основе методологического синтеза формационного и стратификационного подходов, а также цивилизационной теории модернизации. Проведена классификация и определена целесообразность использования исторических методов при решении поставленных задач.

Исследование развития государства с позиции исторической науки заключалось в комплексном анализе конкретно-исторических этапов развития государства, в раскрытии закономерностей исторического развития. Сочетание разнообразных методов и подходов позволило рассмотреть процесс создания и реформирования системы административно-территориального управления Сибирью с учетом особенностей региона.

В разделе **1.2. Историография административно-территориального управления Сибирью с 1708 до 1917 г.** охарактеризована степень разработанности темы исследования в исторической науке. Литературу по изучаемому нами периоду можно разделить на три этапа: досоветский, советский и современный. При этом уже в досоветский период начали оформляться отдельные направления в научной, учебной и справочной литературе, посвященные конкретным аспектам управленческой деятельности в различных регионах Российской империи.

В целом дореволюционная историография располагала значительным объемом данных о развитии административного устройства Сибири в

XVIII–XIX вв. Вместе с тем делопроизводственная документация не стала полноценным объектом исследования. Ученым этого периода удалось обозначить проблемы формирования основных принципов и форм совместной деятельности центральных и местных органов власти, однако целостных исследований в этом направлении не хватало.

В советский период исследование административно-территориального развития Сибири долгие годы оставалось без должного внимания. В отдельных работах этого периода получили освещение вопросы взаимоотношений представительных органов государственной власти и местного чиновничества, проводился анализ результатов колониальной политики правительства.

На рубеже XX–XXI вв. исследователи во многом переосмыслили содержание научных категорий, отражающих административно-территориальное устройство Российской империи. Благодаря современной методологии был достигнут новый уровень в проведении междисциплинарного компаративистского исследования.

В разделе **1.3. Обзор источников по проблеме административно-территориального развития Сибири с 1708 до 1917 г.** описана и проанализирована источниковая база диссертации. Она представлена как опубликованными, так и неопубликованными источниками. Их можно разделить на несколько групп: законодательные акты и проекты, делопроизводственные материалы, справочно-статистические издания, периодическая печать, материалы личного происхождения и воспоминания.

К первой группе источников относятся законодательные акты, регламентировавшие внутреннюю организацию. Материалы делопроизводства позволяют проанализировать деятельность как центральной, так и местной администраций. Особый интерес представляют всеподданнейшие донесения и доклады местных органов власти, которые раскрывают влияние региональных особенностей на законотворческий процесс в Российской империи.

Ценным источником информации по управлению Сибирью стали нарративные источники – труды И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, И. К. Кирилова, И. И. Крафта, П. С. Палласа, В. Н. Татищева, Г. В. Штеллера. В работах этих исследователей представлены как статистические и справочные сведения, так и авторские концепции. Приведенные данные из историко-статистических сборников по Сибири и ее отдельным областями и губерниям позволили исследовать кадровый состав органов местной власти, получить сведения о социально-экономическом положении территорий, необходимые для комплексного анализа.

Основой для исследования стали материалы федеральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. В частности, важные сведения содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Также богатый материал содержится в фондах Государственного архива Красноярского края, Иркутской, Томской, Омской областей и в Национальном архиве Республики Хакасия. Кроме того, в диссертации использовались материалы архивов гг. Тобольска и Минусинска.

Глава 2. Сибирский вариант территориальной системы управления» состоит из четырех разделов. В разделе **2.1. Территориальное устройство Сибири в контексте преобразований правителей 1708–1770-х гг.** проанализированы результаты административно-территориальных преобразований в Сибири. В 1708–1763 гг. шел поиск наилучшей формы административно-территориальной единицы между губернией и уездом (дистриктом) в рамках всей России. Комендантские и обер-комендантские провинции, сменившие собой разряды и ландратские доли, так и не внедренные в Сибири, не удовлетворили имперскую администрацию. Их заменили на провинции, которые оказались наиболее оптимальной формой

деления и все более приобретали статус губерний. При этом экономически-производственные районы Сибири формировались также сверху в зависимости от установленных административно-территориальных единиц, а социально-экономические отношения в них регламентировались государством в целях обеспечения казенных интересов верховной власти.

Реформы того периода говорят о попытках правительства не только внешне очертить административные границы Сибири в составе России, но и постараться выделить внутреннее административное деление территории на понятных для того времени принципах с попыткой учета огромных сибирских пространств и малочисленности проживавшего на них населения.

В разделе **2.2. Административно-территориальные единицы в системе реформ Екатерины II (наместничества, губернии, области, провинции, уезды и округа)** выявлена специфика хозяйственного развития сибирских территорий, которая во многом было обусловлена специализацией данной местности – здесь находились Колывано-Воскресенские горно-металлургические заводы. При этом особенность Восточной Сибири не была учтена в предложенной территориальной сетке, так как Енисейская провинция (1719–1782), была ликвидирована. Она воплощала собой Среднюю Сибирь и благодаря развитию торгово-экономических связей, уже была сформирована в своих географических границах. Причину таких изменений мы видим в стремлении центральной власти иметь хотя бы одно сибирское наместничество (Тобольское) в качестве внутреннего, так как пограничными были Иркутское наместничество и Колыванская губерния.

Таким образом, выстроенная по губернской реформе 1775 г. территориальная сетка существовала в Сибири с 1779 до 1797 г. На высшем уровне административно-территориального деления она была представлена системой: генерал-губернаторство – наместничество (губерния) – область, что приближало власть к населению. Увеличение числа административных единиц за счет трехчленной территориальной структуры Сибири, внедренной в 1779–1784 гг. и действовавшей до 1796 г., можно считать продолжением

«малой» областной реформы 1764 г., которые в комплексе представляли собой единый замысел сделать административно-территориальное устройство Сибири более приспособленным к ее огромным пространствам.

В разделе **2.3. Территориальное деление «восточной окраины» Российской империи в 1797–1860 гг.** проанализированы причины, ход и последствия ревизии и реформ М. М. Сперанского в Сибири, в результате которых были образованы два генерал-губернаторства. Западно-Сибирское с центром в городе Тобольске включало в состав Томскую и Тобольскую губернии и Омскую область (с 1854 г. реорганизованную в область Сибирских киргизов и Семипалатинскую, с 1868 г. – в Акмолинскую область). Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске объединило Иркутскую и Енисейскую губернии, Охотское и Камчатское приморские управления, Троицко-Савское пограничное управление и Якутскую область (до 1848); с 1851 г. – Забайкальскую область, Камчатскую область (с 1856), Амурскую область (с 1858).

Политика Российской империи после сибирской реформы М. М. Сперанского в эпоху казавшейся стабильности была схожа с политикой предшествовавших исторических этапов XVII–XVIII вв., когда шел процесс стремительного продвижения России в глубь Азии (на юг и восток) и освоения в столь короткий срок огромных пространств, сравнимых с присоединениями периода Великих географических открытий. В связи с этим Западная и Восточная Сибирь, разделенная на соответствующие части в 1822 г., не оставалась статичной до 1860-х гг. Во второй половине XIX в. границы были значительно увеличены за счет присоединения огромных среднеазиатских и дальневосточных пространств, на территориях которых распространились те же формы административного деления – области (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Амурская). При этом государство по причине экономии средств и сложностей понимания внутренней обстановки на недавно освоенных землях распространяло военный стиль управления и не проводило каких-либо крупных постоянных

правительственных действий, ограничившись территориальной реструктуризацией. Так, к территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства были отнесены Акмолинская и Семипалатинская области, а в состав Восточно-Сибирского – включены Амурская и преобразованные Забайкальская и Приморская области. Было понятно, что процесс определения более четких территориальных границ Сибири за счет выделения самостоятельных соседних с ней регионов неизбежен, а его условием было все усиливавшееся крестьянское переселение на Дальний Восток и упрочнение русско-казахских связей на территории Средней Азии.

В разделе **2.4. Административно-территориальное устройство Сибири в 1870–1917 гг.** доказано, что административно-территориальное устройство Сибири начиная с 1870-х гг. было уже не предметом «внутреннего» рассмотрения правительственных структур, как например, в 1860-е гг., а вопросом дискуссии двух участников политического процесса – государства и общества. Рост либеральных настроений, имевших «антиколониальный» и сепаратистский толк, был вызван внутренней нестабильностью самого государства. Как итог, в период 1880–1917 гг. азиатская часть России вступила в обновленном виде – Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток. Так, от восточной части Сибири отошли территории, образовавшие Приамурское генерал-губернаторство (до 1888 еще и Владивостокское). Из западной части Сибири вышли территории, когда-то называвшиеся землями Сибирских киргизов, исторически соединившись с другими среднеазиатскими областями в созданном Степном генерал-губернаторстве. Сибирь была представлена более точными границами четырех губерний и двух областей. Из них западносибирские Тобольская и Томская губернии с 1882 г. управлялись уже на общероссийских основах; Енисейская губерния, о положении которой велись споры, осталась в «конгломерате» с Иркутской губернией, Якутской и Забайкальской (с 1906) областями. На восточной части Сибири генерал-губернаторство сохранилось до 1917 г. При этом государство, нацеленное на использование богатств

Сибири в качестве источника пополнения казны, сохранило территориальное деление, испытанное временем и работавшее по принципу: чем дальше территория от центра, тем она более нуждается в особой системе управления.

Глава 3. Административные структуры государственной власти в Сибири состоит из четырех разделов. В разделе **3.1. Институциональные компоненты местной государственной власти с 1708 до 1763 г.** рассмотренные материалы позволяют прийти к выводу о том, что одним из важнейших результатов губернских и провинциальных реформ 1708–1760-х гг. стало формирование единого унифицированного государственного пространства с единой централизованной системой местного управления. Сибирь также входила в это пространство с учетом внутренних и внешних особенностей. Петр I в преобразованиях местного управления ставил две цели – создание административной централизации (под единой верховной властью) и укрепление могущества государства. Организация государственного аппарата на бюрократических началах стала способом достижения поставленных целей.

Главной проблемой административного устройства Сибири в составе России оставалось несоответствие механизма взаимодействия центрального и местного управления историческим условиям, поскольку система государственной власти в регионе была выработана не эволюционным, а административным путем с большой долей заимствований из шведской системы управления. Соратники и ближайшие преемники Петра I организовали сибирское управление по принципам, выработанным Петром I, но с использованием наследия допетровского Московского государства. На их основе реформами 1726–1730-х гг. была создана новая система государственной власти в Сибири, действовавшая без существенных изменений до введения штатов 1763 г. При этом управление регионом на высшем уровне власти вновь стало характеризоваться как нерациональное в связи с непониманием в Центре и на местах разграничения полномочий

между Сенатом, коллегиями, Сибирским приказом, губернатором, воеводами и их канцеляриями.

В разделе **3.2. Наместническая, губернская, областная и уездная администрация в 1764–1822 гг.** сделан вывод о том, что система административной власти в Сибири за период чуть более 50 лет имела три разных формы.

Во-первых, управление по «малой областной реформе» 1764 г., выстроенное в русле преобразований Петра I и его преемников, функционировало до начала 1780-х гг. Губернатор приобрел властные полномочия ликвидированного Сибирского приказа. Наверху иерархии территориального деления «Сибирского царства» находилась губерния-разряд, в состав которой вошли уезды, выделенная Енисейская провинция, дистрикты и недавно освоенная огромная по площади территория Охотского Приморского управления.

Во-вторых, введение в действие губернской реформы 1775 г. Екатерины II привело к созданию в начале 1780-х гг. системы местной власти, более приближенной к населению и состоявшей из четырех звеньев государственного управления: генерал-губернаторское, наместническое, областное или провинциальное правление, уездное.

В-третьих, эпоха Павла I сломала выстроенную Екатериной II систему государственной власти в Сибири. Неразветвленные административные структуры усугубили проблему «недоуправляемости» Сибирью.

Раздел **3.3. Административное управление Восточной и Западной Сибирью в 1823–1890-х гг.** посвящен вопросам разграничения полномочий на губернском и областном уровнях власти. Территория Сибири до 1880-х гг. управлялась посредством особого властного института – генерал-губернаторства. Различные формы административно-территориального устройства – губернии и области – были тем самым рычагом, с помощью которого государство приспособлялось к разным условиям распространения своей власти на огромной территории. В период с 1822 по

1851 г. губернское и областное управления имели четкие различия в структуре и полномочиях. Только в середине XIX в. государство отказалось от принципа ограниченности областного управления, подтвердив его самостоятельный статус, не зависевший от губернского. Проведенные преобразования представляли собой попытку верховной и центральной власти ликвидировать один из важных недостатков административной системы в имперской России – так называемую «недоуправляемость». Действия были направлены на укрепление централизации власти в Сибири.

В разделе **3.4. Поиск формы организации государственной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в.** анализируются государственные подходы к организации административно-территориального управления Сибирью в обозначенный период. Губернская администрация состояла из четырех ведомств: Министерства внутренних дел (было представлено губернским правлением во главе с губернатором, а после 1895 г. – губернским управлением); Министерства финансов (было представлено казенной палатой, в период с 1866 по 1886 г. – контрольной палатой, с 1902 г. – акцизным управлением); Министерства государственных имуществ (с 1902 г. было представлено одноименным управлением).

Существовали и региональные особенности. Во-первых, в этот период сохранялась подведомственность главному управлению Восточной Сибири; во-вторых, губернатор имел особый статус и у казенной палаты со времени ее создания был свой председатель; в-третьих, до 1895 г. сохранялся принцип коллегиальности в управлении, не существовало должности вице-губернатора; в-четвертых, общероссийские реформы проводились в Енисейской губернии с некоторым запозданием (так, отделение судов от администрации и учреждение управления государственных имуществ произошло только в 1897 г.); в-пятых, до 1895 г. существовал приказ общественного призрения, что было связано с отсутствием земского и дворянского самоуправления (в свою очередь, это способствовало большему контролю государства над обществом).

Глава 4. Низовые звенья административно-территориального управления Сибирью состоит из четырех разделов. В разделе **4.1. Города, остроги, слободы и ясажные волости в Сибири от Петра I до Екатерины II** проанализирована система управления приписными крестьянами, которая осуществлялась через приказные и судные (с 1762 – земские) избы и земские конторы. Избами и конторами руководили комиссары и приказчики. В первой половине 1760-х гг. приказчики и комиссары образовали связующее звено между Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства и крестьянской общиной. Так приказчики и комиссары стали земскими управителями.

Таким образом, одним из главных результатов губернской реформы Петра I было образование интегрированного унифицированного казенного пространства с общегосударственной централизованной системой местного управления, в которое составной частью входила Сибирь.

Во второй половине 20-х гг. XVIII в. правительства Екатерины I и Петра II попытались отказаться от части реформаторского наследия Петра I: были восстановлены некоторые приказы; проведена ломка системы органов местного управления, сформированной в годы провинциальной реформы, начатой Петром I; отменено жалованье для некоторых должностей. В определенной степени эти меры были вызваны своего рода ностальгией по прежним московским порядкам. Система местного управления, образованная в результате контрреформ, просуществовала долгое время на микрозональном уровне.

В разделе **4.2. Реформы в системе местной власти в Сибири, их реализация и изменения (1762–1822)** отмечается, что процесс строительства местных органов власти и органов самоуправления в Сибири базировался на децентрализации и распределении власти, с одной стороны, и инкорпорировании общественного управления в систему имперской власти – с другой. Реформирование местного управления привело к закреплению за крестьянскими волостями и городским самоуправлением представительских

и распорядительных функций в пределах компетенций, обозначенных верховной властью.

Волостной административно-территориальный уровень крестьянской общины являлся компромиссом и взаимовыгодным симбиозом государственных и общественных интересов: общинный характер мироустройства был для крестьянского общества гарантией в защите его интересов, для власти – обеспечением притока налогов с использованием круговой поруки и контроля над самоуправлением.

Политика имперской власти в отношении местного коренного населения Сибири была направлена на интеграцию инородцев в административную систему государства с сохранением обычного права, общинного управления местного населения и с усилением роли родоплеменной знати.

В разделе **4.3. Волостное, городское, сельское и инородческое управления как самостоятельные звенья местного уровня власти в 1822–1880-х гг.** показано развитие местного самоуправления в Сибири в период 1822–1882 гг., прослеживается целенаправленная, но не систематизированная деятельность государственных органов империи по инкорпорированию местных полиэтничных обществ в административно-территориальную структуру государства.

В усложнившихся этнодемографических условиях Сибири проведенная ревизия и реформа М. М. Сперанского, выявив системные недостатки в управлении, в том числе на волостном уровне, привели к глубокому реформированию всей системы сибирского управления. В административно-территориальном плане реформа волостного управления в первой половине XIX в. рассмотрена как постепенное внесение государственных начал в традиционное общинное руководство. Унификация сибирской и центрально-русской волости как начального территориального звена управления осуществлялась в русле укрепления сословия государственных крестьян и модернизации податной системы.

Городовое Положение 1870 г. базировалось на принципах всеобщности, разделения властей, самоуправления и ограничений по возрасту и доходам. В реальной практике городское самоуправление стало частью государственной системы управления. Интенсификация развития общественного управления городов заложила основы последующих модернизаций.

Традиционные нормы права инородцев, узаконенные имперской властью, выполнили свою задачу по сохранению российских основ, административно-политическому и социально-экономическому закреплению территорий за государством.

В разделе **4.4. Организация местной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в.** охарактеризована административно-территориальная политика центральной власти, которая отразилась в практической реализации «Временного положения о крестьянских начальниках» 1898 г., выразившейся в концентрации судебно-административных функций в руках крестьянских начальников, подчиненных губернской администрации.

Сельский сход как низовое звено сельского самоуправления оказался встроенным в более жесткую административно-распорядительную систему местной власти. Традиционные самоуправленческие функции сельского схода не подверглись усечению, но попали под контроль вышестоящих властей. Происходило определенное размывание общинных основ крестьянского мироустройства, связанное с утратой социально-экономической однородности, обусловленной массовыми переселенческими процессами и усилившимся давлением имперской власти.

Имперский центр ставил задачу русификации инородцев, которая находилась в противоречии с существованием разделения аборигенов на разряды. «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках», разработанные И. И. Крафтом, полностью уравнивали в правах кочевых и оседлых инородцев с сельскими обывателями, в то же

время отменяли преимущества почетных инородцев. Таким образом, законодательным путем минимизировалась роль родовой знати.

Усложнение системы управления Сибирью по Положению 1892 г. укрепляло ее административно-командный характер. Губернаторы получали полномочия вмешиваться в практическую работу муниципальных органов через указания и предписания членам управ и возможность отрешения их от должности.

Таким образом, в начале XX в. в результате реформирования местного самоуправления произошла унификация административного и хозяйственного строя Сибири и Европейской России. На всей территории империи функционировали органы местной власти без учета особых этнических, конфессиональных и общественных различий.

В Заключении диссертации изложены итоги и сделаны обобщающие выводы проведенного исследования. Даны рекомендации и определены перспективы по дальнейшему развитию научной работы по изучаемой теме.

Губернская реформа Петра I 1708–1710 гг. показала государственное осознание территории Сибири как неотъемлемой части России. С этого времени до 1763 г. правительство России формировало систему местных органов власти по общероссийскому образцу. Формой их адаптации к особенностям Сибири было только выборочное изъятие или сохранение тех или иных структур, существовавших в европейской части России.

В послепетровскую эпоху эффективность государственного управления в Сибири достигалась путем поиска оптимального сочетания основ гражданской, военной власти с хозяйственно-экономической политикой. Примером последней было горное управление, являвшееся в это время самостоятельной «ветвью» власти и сочетавшее в себе гражданские и военные принципы.

Со второй четверти XVIII в. территориальная структура Сибири менялась в основном на уровне среднего звена управления. Сибирская губерния как основная административно-территориальная единица была

сохранена. В ее составе с 1727 по 1736 г. находилось три провинции – Тобольская, Иркутская, Енисейская. Вятская и Соликамская провинции отошли в состав Казанской губернии, тем самым выйдя за административно-территориальные границы Сибири. Однако затем Енисейская провинция была включена в состав Иркутской, а самостоятельное управление огромной территорией Средней Сибири было низведено до нижнего (по сути, уездного) уровня.

В соответствии с малой областной реформой 1764 г. произошло территориальное уменьшение административных единиц. Следствием стала иерархизация местного управления, и власть стала ближе к обществу. В результате реформы Сибирский приказ был упразднен. Иркутский и тобольский губернаторы получили больше прав в управлении огромным краем, также произошло усиление прокурорского надзора.

В результате губернской реформы 1775 г. управление огромными территориями было доверено генерал-губернаторам или наместникам верховной власти, которые обладали широкими полномочиями. Генерал-губернаторы исполняли административную, надзорную, судебную, финансовую функции и имели право напрямую обращаться к верховной власти. В результате неразрывность государственного правления на огромной территории достигалась не за счет широкого взаимодействия между центральными и местными органами власти, а за счет прямого взаимодействия императора и его доверенного лица – наместника.

Сущность губернской реформы 1782–1784 гг. в Сибири заключалась в попытке создать аппарат управления, отвечавший требованиям времени. Преемники Екатерины II стремились создать централизованную систему управления, но для этого им необходимо было трансформировать административную систему, образованную в результате губернской реформы 1775 г., для работы в новых условиях. Однако этого не произошло.

Период правления Павла I и Александра I в отношении управления Сибирью характеризовался единым курсом на усиление централизации

власти и ликвидацию разобщенности и сложности местного управления, эта политика проводилась еще для экономии финансовых и материальных средств, затраченных на выстраивание и функционирование государственной местной власти.

Реформы М. М. Сперанского превзошли ранее применимые стандарты территориального устройства, административного управления и самоуправления. Разделение Сибири на оправдавшее себя в дальнейшем Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства, выделение Средней Сибири в особую административно-территориальную единицу – Енисейскую губернию, объединение военных и гражданских принципов управления – все было стратегически нацелено на более полное раскрытие возможностей использования территории.

В конце XIX в. из восточных территорий Сибири было создано крупное административно-территориальное образование, формой которого стало Приморское генерал-губернаторство, что соответствовало продолжавшейся имперской политике России. При этом Иркутское генерал-губернаторство при смене его внешних (территориальных) форм сохранило прежнее содержание. Изменения в системе административного управления в конце XIX – начале XX в., а именно создание отдельных ведомственных структур финансового, хозяйственно-экономического и контрольного профилей, имели узконаправленный характер. Использование ресурсного потенциала Сибири было продолжением реализации тактической цели России.

Таким образом, представленный сибирский вариант административно-территориального управления Сибирью дополняет целостное восприятие динамики политики имперского регионализма в XVIII – начале XX в.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертационного исследования изложены в 56 научных публикациях общим объемом 118,1 п. л. (в том числе автора – 59,4 п. л.).

Публикации в рецензируемых научных журналах, вошедших в перечень ВАК РФ:

1. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное деление России как фактор сохранения государственности (на примере Сибири в 1917–1923 гг.) / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 53–56. (0,6 п. л.)

2. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальные реформы в Сибири как пример выработки оптимального управленческого механизма / Д. Н. Гергилев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 14–17. (0,5 п. л.)

3. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX – начале XX веков: опыт и необходимые выводы / Д. Н. Гергилев // Клио. 2017. № 4 (124). С. 129–133. (0,6 п. л.)

4. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальная реформа Екатерины II в контексте проблем управления регионами России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Клио. 2017. № 5 (125). С. 75–78. (0,4 п. л.)

5. Гергилев, Д. Н. Ведущие факторы административно-территориального деления РФ (на примере Красноярского края) / Д. Н. Гергилев, М. Д. Северьянов, М. П. Яценко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3 (25). С. 99–103. (0,7 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

6. Гергилев, Д. Н. Губернская реформа Екатерины II в контексте проблем административно-территориальной структуры России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 203–212. (0,6 п. л.)

7. Гергилев, Д. Н. Законодательное регулирование, структура и функции канцелярии Енисейской губернской администрации в 1822–1845 годах /

Д. Н. Гергилев, О. Н. Кукис // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4 (34). С. 115–121. (0,8 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

8. Гергилев, Д. Н. Интерпретация понятия «регион» в реформе районирования 1923 г. / Д. Н. Гергилев, Е. В. Полянский // Клио. 2018. № 6 (138). С. 106–112. (0,8 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

9. Гергилев, Д. Н. Исторические особенности административного управления Восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) / Д. Н. Гергилев // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 41–45. (0,6 п. л.)

10. Гергилев, Д. Н. К вопросу об административно-территориальном управлении Казахской степью в Сибири в начале XIX в. / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 61–64. (0,6 п. л.)

11. Кузьменко, А. С. Миграционные потоки на территорию Восточной Сибири в горды Первой мировой войны / А. С. Кузьменко, Д. Н. Гергилев, М. Г. Тарасов // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 3. С. 70–79. (1,1 п. л., лично автором – 0,3 п. л.)

12. Гергилев, Д. Н. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30–33. (0,8 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

13. Гергилев, Д. Н. Особенности административно-территориальной политики в первые годы советской власти / Д. Н. Гергилев // Право и образование. 2018. № 5. С. 131–136. (0,6 п. л.)

14. Гергилев, Д. Н. Особенности региональной политики в России в XVIII – начале XX в. (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 106–108. (0,5 п. л.)

15. Гергилев, Д. Н. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX вв. / Д. Н. Гергилев // Клио. 2017. № 8 (128). С. 114–117. (0,7 п. л.)

16.Карчаева, Т. Г. Причины, ход и итоги «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. / Т. Г. Карчаева, **Д. Н. Гергилев**, А. В. Суржко // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 94–98.(0,9 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

17.Гергилев, Д. Н. Проблемы административно-территориального устройства Сибири в дореволюционной историографии / Д. Н. Гергилев // Клио. 2020. № 7 (163). С. 18–23. (0,7 п. л.)

18.Гергилев, Д. Н. Проблема административно-территориального реформирования Сибири в XIX в. / Д. Н. Гергилев // Клио. 2017. № 7 (127). С. 74–79. (0,7 п. л.)

19.Гергилев, Д. Н. Пути решения проблем административно-территориального устройства России в начале XX века (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5 (96). С. 76–80. (0,6 п. л.)

20.Гергилев, Д. Н. Результат губернской реформы Екатерины II для регионов России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 3–2. С. 11–13. (0,5 п. л.)

21.Гергилев, Д. Н. Рецензия на книгу «Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации». – Красноярск: Сиб. федеральный ун-т, 2008. 327 с. / Д. Н. Гергилев, С. А. Комиссаров // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 173–176. (0,7 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

22.Гергилев, Д. Н. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 88–93. (0,8 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

23.Гергилев, Д. Н. Роль Сибирского приказа в имперской политике управления Восточной окраиной Российской империи (1730–1763 гг.) /

Д. Н. Гергилев // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 81–83. (0,6 п. л.)

24. Гергилев, Д. Н. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 103–108. (0,9 п. л., лично автором – 0,6 п. л.)

25. Гергилев, Д. Н. Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России / Д. Н. Гергилев // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 56–61. (0,7 п. л.)

26. Гергилев, Д. Н. Становление диаспоральной политики в России на рубеже XX–XXI веков / Д. Н. Гергилев, Е. А. Ахтамов // Клио. 2017. № 3 (123). С. 39–42. (0,8 п. л., лично автором – 0,6 п. л.)

27. Гергилев, Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности / Д. Н. Гергилев // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 56–69. (0,8 п. л.)

28. Карчаева, Т. Г. Участие женщин в местных советах на территории Восточной Сибири, 1921–1936 гг. (анализ статистических источников) / Т. Г. Карчаева, И. А. Кижнер, Д. Н. Гергилев // Историческая информатика. 2020. № 1(31). С. 34–54. (0,9 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

29. Гергилев, Д. Н. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) / Д. Н. Гергилев, А. И. Гергилева // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 109–116. (0,8 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

Публикации в изданиях Web of Science и Scopus, входящих в перечень Международных реферативных баз данных и систем цитирования ВАК:

30. Cherepanov, S. K. Anonymous sources of the conflict in the east Siberian provincial administration in the 1870s / S. K. Cherepanov, D. N. Gergilev,

A. G. Gryaznukhin // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 47 (1). С. 328–338. (1,2 п. л., лично автором – 0,5 п. л.)

31.Andusev, B. E. Common Law in Household Domestic Life of Russian Old-Residents in Angara Region in the second part of XIX – the beginning of XX century / B. E. Andusev, L. J. Anisimova, **D. N. Gergilev**, E. A. Akhtamov // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 56 (2). С. 734–741. (1,1 п. л., лично автором – 0,3 п. л.)

32.Gergilev, D. N. Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People’s School / D. N. Gergilev, N. L. Khait, E. A. Akhtamov // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 2. № 52. С. 523–532. (1,1 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

33.Gryaznukhina, T. V. Intelligentsia and the folk between Russian Revolutions (1905–1917) / T. V. Gryaznukhina, A. A. Sejtkanova, A. G. Gryaznukhin, **D. N. Gergilev**, L. F. Malutina // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 44 (2). С. 625–634. (1 п. л., лично автором – 0,3 п. л.)

34.Kolesnik, E. G. Interethnic Relations in Russian Central Asia (19th – Early 20th Centuries) / E. G. Kolesnik, M. G. Tarasov, **D. N. Gergilev**, N. R. Novoseltsev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12 (2018 11). P. 1968–1990. (1 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

35.Malyutina, L. F. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country / L. F. Malyutina, **D. N. Gergilev**, A. G. Gryaznukhin, L. B. Zhabaeva // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. № 54 (4). С. 1429–1438. (1,1 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

36.Khait, N. L. The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century / N. L. Khait, A. P. Dvoretzskaya, **D. N. Gergilev**, O. V. Konovalova // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 57 (3). С. 1055-1064. (1,3 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

37. Izluchenko, T. V. The Philosophical Category of the Ideal in the Models of the Future State of the Religious Extremists / T. V. Izluchenko, **D. N. Gergilev**, A. V. Bardakov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Т. 13. № 7. С. 1126-1136. (1,2 п. л., лично автором – 0,3 п. л.)

38. Karchaeva, T. G. Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century / T. G. Karchaeva, **D. N. Gergilev**, M. D. Severyanov // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 43 (1). С. 86–93. (1,1 п. л., лично автором – 0,4 п. л.)

Монографии

39. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное устройство Сибири в 1708–1917 гг.: монография / Д. Н. Гергилев. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 224 с. (17,4 п. л.)

40. Гергилев, Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века: монография / Д. Н. Гергилев. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 172 с. (11,5 п. л.)

41. Андюсев, Б. Е. История земли Шушенской / Б. Е. Андюсев, Л. Ю. Анисимова, Е. А. Ахтамов, Г. Ф. Быконя, А. С. Вдовин, **Д. Н. Гергилев** и др. // Кол. монография в двух томах. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. Т. 1. – 380 с. (26,3 п. л., лично автором – 2,4 п. л.)

42. Гергилев, Д. Н. Проекты административных преобразований Восточной Сибири в 30-х годах XIX в. / Д. Н. Гергилев // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв.: кол. монография / Рос. акад. наук; Ин-т Рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2007. С. 289–297. (24 п. л., лично автором – 1 п. л.)

Прочие научные публикации

43. Гергилев, Д. Н. Административное управление Сибирью в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (до ревизии М. М. Сперанского) / Д. Н. Гергилев // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 46–49. (0,5 п. л.)

44.Гергилев, Д. Н. Губернская реформа 1822 года / Д. Н. Гергилев // Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тез. докл. и сообщ. науч. конф. 14 ноября 2006 г. Красноярск. Красноярск, 2006. С. 81–87. (0,5 п. л.)

45.Гергилев, Д. Н. Духоборы (духоборцы) в Сибири в первой четверти XIX в. / Д. Н. Гергилев // Матер. межвуз. научн.-практ. конф., Красноярск, 26 апреля 2002 г. Красноярск, 2002. Вып. VII. С. 311–316. (0,6 п. л.)

46.Гергилев, Д. Н. К вопросу о структурных и административных изменениях в Сибири в результате губернской реформы 1822 года / Д. Н. Гергилев // Лесной и химический комплексы – проблемы и решения: сб. ст. Всерос. научн.-практ. конф. 2006 г. Красноярск, 2006. С. 324–330. (0,8 п. л.)

47.Гергилев, Д. Н. М. М. Сперанский и его проекты / Д. Н. Гергилев // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: матер. Всерос. научн.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала деятельности первой российской Государственной думы 18 мая 2006 г. Красноярск. Красноярск, 2006. С. 61–66. (0,7 п. л.)

48.Гергилев, Д. Н. Население и хозяйственная жизнь Красноярска в XVII–XIX вв. / Д. Н. Гергилев // Красноярск история и современность. К 375-летию со дня основания: матер. межвуз. научн.-теор. конф. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 33–37. (0,5 п. л.)

49.Гергилев, Д. Н. Особенности реализации «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» на территории Сибири / Д. Н. Гергилев // Матер. Вторых университетских социально-гуманитарных чтений, 2008 г. Иркутск, 2008. С. 249–255. (0,6 п. л.)

50.Гергилев, Д. Н. Особенности региональной политики в России в первой четверти XVIII в. (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 т. 2017. Т. 1. С. 213–218. (0,6 п. л.)

51.Гергилев, Д. Н. Проекты административно-территориального реформирования Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. / Д. Н. Гергилев // Социокультурное освоение Сибири: матер. Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 48–55. (0,8 п. л.)

52.Гергилев, Д. Н. Сибирь в системе административных преобразований Петра I / Д. Н. Гергилев // Вестник Сибирского юридического института МВД Рос. 2010. № 4 (8). С. 118–123. (0,5 п. л.)

53.Гергилев, Д. Н. Ссылка как мера наказания в конце XVI – начале XIX вв. / Д. Н. Гергилев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 февраля 2009 г.): в 3 ч. Красноярск, 2009. Ч. 1. С. 346–349. (0,5 п. л.)

54.Gergilev, D. N. Historical-philosophical analysis of Siberia administrative control / D. N. Gergilev, N. S. Dureeva // The Social Sciences, 2016. № 11 (Special issue 5). P. 6993–6998. (0,9 п. л., лично автором – 0,6 п. л.)

55.Akhtamov, E. A. The World in the 21st Century: Scenarios of the World Order / E. A. Akhtamov, D. N. Gergilev, V. S. Efimov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12 (2017 10). P. 1814–1828. (1 п. л., лично автором – 0,6 п. л.)

Авторские свидетельства, дипломы, патенты, лицензии:

56.Информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска» / М. В. Румянцев, Р. А. Барышев, А. С. Генвальд, А. В. Ёжкин, И. А. Меньщиков, А. Ю. Литвинцева, А. В. Волощук, Д. Н. Гергилев, А. Ю. Перебоев, И. Н. Рудов, Н. О. Пиков, Е. В. Гевель, К. Ю. Шумов, А. А. Смолин, А. П. Свитин. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RUS 2013613335 13.02.2013.